

Профессиональная идеология социальных патологов

Чарльз Райт Миллс

Анализ учебников в области социальной дезорганизации обнаруживает общий стиль мышления, открытый для социального воздействия. Постигнув социальную ориентацию этой общей перспективы, мы можем понять, почему интеллектуалы, занятые в этой области, отбирают проблемы и обращаются с ними так, как они это делают.

Благодаря механизму продаж и дистрибуции в учебниках, как правило, воплощается содержание, согласованное с академической группой, которая ими пользуется. В некоторых случаях учебники пишут только после того, как проведен неформальный опрос профессионального мнения касательно того, что в них следует включить; при написании нового учебника заглядывают в уже имеющиеся. Поскольку одним из критериев их успеха является широкое принятие, то уже сам объем публикации, для которой они пишутся, как правило, гарантирует терпимость учебника к тривиальности. Хотя концептуальная рамка, в которой пишется учебник патолога, обычно не сильно отличается от концептуальной рамки монографий, которые он может писать, в этом очерке «целостное мышление» или «намерения» ин-

Перевод и публикация сделаны по источнику: *Mills C.W. The Professional Ideology of Social Pathologists // American Journal of Sociology. 1943. Vol. 49, N 2. P. 165-180 с любезного разрешения правообладателей – Ника Миллса и Издательства University of Chicago Press.*

дивидуальных авторов нас не интересуют; это – исследование профессиональной идеологии, по-разному представленной в корпусе учебников¹. Вместе с тем, ввиду своей устойчивой важности для развития американской социологии и предполагаемой близости к социальной сцене, «социальная патология» представляется подходящей точкой входа для исследования стиля мышления и социально-исторических оснований американской социологии.

Уровень абстракции, характеризующий эти тексты, необычайно низок, и из-за отсутствия абстракции, связывающей их воедино, они часто создают впечатление эмпирической неразберихи [Vain, 1930. P. 222, 369]². Они преподносят нагромождения почти не связанных фактов, от урожайности в сельских районах до состояния муниципального жилого фонда, и интеллектуально узаконивают этот низкий уровень абстракции³. «Информационный» характер социальной патологии соединяется с невниманием к целостным социальным струк-

¹ Здесь не предпринималось попыток проследить интеллектуальные истоки конкретных понятий. В поле моего зрения включались лишь элементы, принятые в наиболее стабильных учебниковых формулировках; целью было ухватить типичные перспективы и ключевые понятия. Следовательно, ни один из цитируемых текстов не воплощает в себе всех анализируемых понятий; некоторые элементы в одних текстах не так видны, как в других, а какие-то элементы в отдельных текстах вообще не обнаруживаются. В общем и целом, документальные цитаты, приводимые далее в сносках, берутся из позднейших изданий следующих книг: *Beach, Walker*, 1934; *Bossard*, 1934; 1927; *Cooley*, 1918; 1902, 1922; 1909; *Devine*, 1915, 1924; 1933; *Dexter*, 1927; *Dow*, 1920, 1929; *Elliott, Merrill*, 1934, 1941; *Ellwood*, 1915, 1919; 1910-1935; *Fairchild*, 1916, 1921; *Follett*, 1918; 1924; *Ford*, 1939; *Gillette, Reinhardt* 1933, 1937; *Gillin*, 1921, 1926, 1937; 1933, 1939; *Gillin, Dittmer*, 1928, 1932; *Hayes* – введения редактора в учебниках в «Lippincott Series» (например, *Hayes*, 1926); *Hayes, Shannon*, 1935; *Mangold*, 1932, 1934; *Miller*, 1924; *Odum*, 1927; *Parmelee*, 1916; *Phelps*, 1932, 1933, 1938; *Queen, Gruener* 1940; *Queen, Bodenhafer, Harper* 1935; *Rosenquist*, 1940; *Weatherly*, 1926.

² К. Маннгейм называл этот тип эмпиризма «ползучим» [Mannheim, 1934. P. 30].

³ Цитаты, приводимые в сносках, являются всего лишь показательными примерами обычного положения дел. Обоснованность высказываемых упреков должна быть очевидна при полном знакомстве читателя с обсуждаемой литературой. «Поскольку [эта книга] имеет дело с прикладной социологией, она посвящена скорее фактам, чем теориям» [Fairchild, 1916, 1921. P. VII]. «В [книге «Проблемы социального благосостояния»] была сделана попытка рассмотреть, в основном с точки зрения фактов, некоторые элементы, имеющие, видимо, основополагающее значение...» [Bossard, 1934. P. XI]. «Автор пытался отобрать [из фактического материала] то, что лучше всего иллюстрировало бы проблемы и практические ситуации» [Mangold, 1932, 1934. P. VIII].

турам. Собирая и отрывочным образом обсуждая разрозненные проблемы и факты среды, эти книги не фокусируются на более крупных расслоениях и структурированных целостностях. Это упущение не объясняется только общей «теоретической слабостью». Такие структурные анализы были, но они не были приняты во внимание и не вошли в традицию этой литературы. Американские социологи часто заявляли о своем интересе к «взаимосвязи социальных наук», однако расселение по отдельным академическим квартирам успешно способствовало атомизации тех проблем, к которым они обращались¹. Социологи всегда чувствовали, что «мало кто из представителей старейших форм социальной науки готов признать за социологией какую-то функцию» [Small, 1916. P. 785]. Между тем ни отсутствие способности к теоретизированию, ни узкое направление усилий, обусловленное департаментализацией, не дают полного объяснения низкого уровня абстракции и сопутствующего ему невнимания к более масштабным проблемам социальной структуры.

Если члены академической профессии рекрутируются из схожих социальных контекстов и их бэкграунды и карьеры относительно схожи, то у них есть склонность единообразно настраиваться на некоторую общую перспективу. Общие условия их профессии часто выглядят в этой связи более важными, чем сходство их происхождения. Внутри такой в общем и целом гомогенной группы обычно возникает меньше расходящихся точек зрения на значение фактов, которые, сталкиваясь друг с другом, порождали бы интерпретации на более высоком теоретическом уровне².

¹ В Германии академическое разделение специальностей, произошедшее до подъема социологии, направило социологическую работу в формальное русло. В Америке схожая ситуация привела к фрагментации эмпирического внимания и особенно к направлению работы в русло изучения «практических проблем».

² Такая «гомогенность» не является, однако, единственным условием, при котором группа мыслителей принимает некоторый общий стиль мышления. Ср. с формальной концепцией «точек совпадения», выдвинутой Х.Х. Гертом в диссертации «Социально-научное обоснование мещанской интеллигенции на рубеже 18 в.» (Die sozialgeschichtliche Lage der burgerlichen Intelligenz um die Wende des 18 Jahrhunderts (Frankfurt A.M.). V.D.I.-Verlag, G.m.b.H. Berlin, N.W. 7). Весь вопрос укоренения обсуждаемых влияний в социальном происхождении и линиях карьеры являет нам незавершенный клубок методологических проблем. В этой статье основные воздействия выводятся не столько из данных о карьере, сколько из социальной ориентации, предполагаемой общими перспективами и специфическими понятиями, а также отбором «проблем».

Относительно однородное происхождение и схожие карьеры американских патологов являются одним из возможных факторов низкого уровня абстракции, характерного для их работы. Все обсуждаемые авторы ¹ (кроме одного, родившегося за рубежом) родились в маленьких городах или на фермах вблизи маленьких городов, три четверти из которых находятся в штатах, еще не ставших в годы их юности индустриальными. Социальные круги и слои, в которых они каждый по отдельности вращались, совершенно однородны; все кроме пяти участвовали в схожих «реформаторских» группах и «обществах» профессиональных и деловых классов. В силу того, что они профессора колледжей (известно, что у всех кроме троих есть в арсенале докторские степени), занимают схожие по типу позиции вне академической среды, принадлежат к одинаковым «обществам» и состоят в браке с лицами, занимающими одни и те же социальные позиции, утверждение касательно общего сходства их социального происхождения, карьеры и кругов общения представляется оправданным ².

Еще одна детерминанта уровня абстракции (над которым изучаемому нами мышлению трудно подняться и выше которого оно, как правило, не поднимается) и отсутствия эксплицитной систематизации – это ближайшая задача и тип публики, для которой они предположительно пишут. Они преподаватели, их специфической публикой являются студенты колледжей, и это влияет на содержание и направленность их интеллектуальных усилий ³. Преподавание – задача, требующая особого типа систематизации, и учебник отвечает на этот запрос. Почти вся «систематическая», или «теоретическая», работа в «социальной патологии» делается преподавателями в учебниках для акаде-

¹ Сведения о 24 из 32 авторов были достаточно полными для принятия к рассмотрению. Пятеро из восьми не рассмотренных были младшими соавторами тех, кто попал в круг нашего рассмотрения.

² Порядок их индивидуального опыта систематически не рассматривался. Ко всем данным о карьере современников следует относиться осторожно; они должны быть открыты для пересмотра под давлением сведений, в настоящее время публично недоступных.

³ «...ментальный опыт преподавателя-исследователя в ходе его приближения к нынешнему воззрению социологов... был обусловлен еще и тем, что многие продвижения в восприятии и выражении происходили в попытках удовлетворить умы студентов с их специфическими воззрениями» [Small, 1916. P. 785, цитируется предисловие редактора, опубликованное в *American Journal of Sociology* в 1907 году]. О механизмах, заключенных в такой детерминации мыслителя его аудиторией, см.: Mills, 1939.

мических целей ¹. То, что социология часто завоевывала академическое право на существование в противостоянии с другими дисциплинами, возможно, усилило необходимость *учебниковой систематизации*. Такая систематизация происходит скорее в контексте изложения и обоснования, чем в контексте открытия [Reichenbach, 1938; Sorokin, 1929. P. 59]. Таким образом, сочинение учебников и академическая профессия авторов существенно сказываются на характере и функции систематической теории в обсуждаемой области ². Систематизация фактов с целью сделать их доступными для университетских умов – одно дело; систематизация, которая ориентирована на ключевые точки роста, возникающие в исследовательском процессе, – совсем другое. Попытка проведения систематизации на уровне учебника порождает таксономическое собирание фактов и систематизацию их в соответствии с понятиями, заранее определенными логически ³. При этом исследовательские возможности, открываемые понятиями, оказываются не столь важны, как приведение накопленных фактических деталей в того или иного рода порядок.

Но хотя перспективы, выраженные в этих текстах, и не эксплицитны, факты, отбираемые для рассмотрения, не «случайны». Один из способов выяснить перспективу, в которую они вписаны, – проанализировать круг и характер затрагиваемых в них проблем. Так какие же принципы отбора и организации материала извлекаются

¹ Это утверждение, как широко признано, касается в какой-то мере всей американской социологии. «В Америке социология выросла как дитя, вскормленное университетами и колледжами... Американская социологическая литература состояла в основном из учебников» [Sorokin, 1929. P. 57-58].

² «В содержание и метод изложения вошел мой многолетний опыт социальной работы и преподавания» [Gillin, 1921, 1926, 1937. P. V]. «В предыдущих главах проблемы группировались на основе одного главного факта, или условия. Ясно, что это произвольная процедура, и обоснована она может быть только педагогическим опытом» [Bossard, 1934 P. 759]. «Мы пользуемся таким методом... В защиту его скажем, что так проще и лучше с педагогической точки зрения» [Ibid. P. XI]. «Решение опустить их было принято... во-вторых, ввиду того, что во все большем числе колледжей и университетов эти особые области рассматриваются в отдельных курсах» [Ibid. 1934 P. XII].

³ О педагогическом характере таксономической логики Аристотеля см: [Mauthner, 1907]. «...существенных черт у научного метода... три. Это, во-первых, накопление фактов... Во-вторых, упорядочение, или классификация этих фактов в соответствии с некоторым заранее определенным логическим основанием...» [Fairchild, 1916, 1921. P. 6-7]. «Сегодня считается, что научное изучение социальных проблем, ограничивающееся простым описанием и классификацией, служит полезной цели» [Bossard, 1934. P. 34].

из тематического охвата и содержания этих текстов? Какие типы фактов попадают в их в поле зрения?

Очевидна направленность на конкретные «практические проблемы» – проблемы «повседневной жизни»¹. Идеал «практичности», непогрязания в «утопии» в связке с другими факторами был полемически заострен против «философии истории», привнесенной в американскую социологию людьми, учившимися в Германии; эта полемика привила склонность к работе на низших уровнях абстракции. Видение обособленных и ближайших проблем как «реальных» проблем, вполне возможно, характерно для такого быстро растущего и расширяющегося общества, каким была Америка в XIX веке и, идеологически, в начале XX века. Описательная манера речи и углубленное журналистское «расследование» являются интеллектуальными спутниками расширяющегося общества, в котором возникают новые рутины и строятся города [Lasswell, 1936. P. 148; Mannheim, 1934. P. 30-31; Idem, 1936. P. 228-229]. Следовательно, такой подход санкционирован канонами, лежащими в основе реального знания; практика детального и всеохватного эмпиризма в обследовании оправдывается эпистемологией грубого описания. Эти нормы адекватного познания, сохраняясь

¹ М.А. Элиот пишет: «Единственные проблемы, которые должны заботить социологов в их теориях и исследованиях, – это реальные, практические проблемы повседневной жизни» [Elliott, 1941. P. 317]. «[В противоположность научным проблемам] социальные проблемы... напрямую относятся к повседневной жизни... Озабоченность ими обычно “практическая” и часто личная» [Queen, Gruener, 1940 P. 42]. «Откровенно говоря, прикладная социология утилитарна. Она занимается практическими проблемами и задачами» [Bossard, 1934 P. 32]. «Изучение социальных проблем составляет самую суть социологии как науки... Даже так называемая “чистая”, или теоретическая, социология все более и более посвящает себя этим практическим проблемам общества» [Gillette, Reinhardt, 1933, 1937. P. 22]. С другой стороны, такие авторы, как Элвуд, поднимающиеся на *очень* высокий уровень абстракции, понимают «социальную проблему» *формально*: «Некоторые из нас, по крайней мере, начинают понимать, что социальная проблема сегодня та же, что и во все времена, а именно: *проблема связей людей друг с другом*. Это проблема совместного жития людей, и ее невозможно свести ни к какому утверждению в экономических, евгенических или иных односторонних терминах... Она так же широка, как человечество и человеческая природа... Такая формулировка [в терминах одного набора факторов] затушевывает реальную природу проблемы и может вести к опасным, односторонним попыткам ее разрешения» [Ellwood, 1915, 1919. P. 13-14]. С точки зрения социальной и интеллектуальной ориентации оба способа понимания «социальных проблем» схожи в том, что ни один из них не может быть использован в коллективном действии, идущем не в русле более или менее допустимого, а вразрез с ним.

в академической традиции, паттернируют работу ее носителей. Акцент на фрагментарных ¹ практических проблемах, как правило, ведет к атомизации социальных целей. Ориентированные таким образом исследования не интегрируются в достаточно всесторонние планы, чтобы служить коллективному действию, даже если есть сила и намерение осуществить такое действие.

Один из повсеместно используемых способов определения «проблем» или установления «дезорганизации» – это определение их через *отклонение от норм*. «Нормы», в этом смысле, обычно принимаются за стандарты «общества». Далее мы увидим, на какой тип общества они ориентированы. В отсутствии исследований специфических норм этот способ проблематизации исходит с мыслителя обязанность «занимать позицию» и подводит под его работу «демократическое» основание ². Казалось бы, с рациональной точки зрения, те, кто принимает этот подход к «дезорганизации», сразу же должны приступить к выяснению самих этих норм. Примечательно, что при всем их обычно провозглашаемом интересе к реформированию общества эти авторы, как правило, принимают нормы, которыми они пользуются, и часто негласно их санкционируют ³. Делается

¹ «Есть сотни социальных проблем, больших и маленьких»: «Здесь мы представим некоторые из проблем, с которыми сталкиваются в повседневной жизни диабетики и сердечники» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 44]. «Некоторые конкретные социальные проблемы начинают закрепляться за прикладной социологией. Их отбор задается не столько логикой или каким-то принципом, сколько случаем и историческим развитием» [Bossard, 1934. P. 32]. «Чем больше собственноручно имеешь дело с жизненными проблемами, тем больше впечатляют их конкретность, специфичность и бесконечное многообразие» [Ibid. P. 44]. «Сегодня почти с любой точки зрения должно быть множество социальных проблем» [Gillette, Reinhardt, 1933, 1937. P. 14]. «Эта книга – трактат о многочисленных социальных проблемах. На рассмотрение всех их она не претендует. При обсуждении крупных проблем в ней неизменно признается множественность проблем» [Ibid. P. 15].

² «...широкое признание какого-либо социального состояния как плохого, за которым следует попытка устранить или исправить его, служит критерием для его включения в исследование социальных проблем. Автор просто принимает вердикты общественного мнения. Этому методу он и следует в этой книге» [Rosenquist, 1940. P. 19]. «Задача Социальной Экономии состоит в том, чтобы жизнь каждого могла быть как можно ближе к нормальной соответственно стандарту эпохи и сообщества» [Devine, 1924].

³ «Наверное, мы сможем встать на твердую почву, если признаем капиталистическую систему со всем, что ей сопутствует, нормальной. Тогда можно будет работать с отдельными ее частями, рассматривая как проблемы те из них, которые не функционируют гладко. Именно так, по-видимому, и поступают более уважаемые социологи» [Rosenquist, 1940. P. 19]. «...Некоторые

мало попыток объяснить отклонения от норм через сами нормы, и уж совсем не учитываются следствия того факта, что социальные трансформации предполагают изменения *в этих нормах*.

К вопросу о том, почему нарушаются нормы, легкомысленно подходят в терминах биологических импульсов, прорывающихся через «общественные ограничения». Основой для такого поверхностного анализа служит скверно состряпанная эклектичная психология¹. Таким образом, более всесторонняя проблематизация блокируется биологической теорией социальной девиации. А «объяснение» отклонений может даваться через необходимость большей «социализации». «Социализация» при этом либо совсем не определяется и используется как моральный эпитет, либо предполагает нормы, остающиеся опять же без определения. Сосредоточение на «фактах» не сопровождается осознанием нормативных структур, в контексте которых они имеют место.

Как правило, учебники тяготеют либо к «аполитичности»², либо к «демократическому» оппортунизму³. При обсуждении по-

социальные условия, которые являются естественным и закономерным результатом индивидуалистическо-капиталистической организации промышленности и, следовательно, должны рассматриваться в современных обществах как нормальные» [Fairchild, 1916, 1921. P. 59]. Анализ содержащихся в большинстве учебников дискуссий по таким вопросам, как бедность, подтверждает это утверждение. «Для серьезных депрессий тщательно продуманные схемы помощи безработным должны быть разработаны прежде, чем депрессия станет ощутимой» [Gillin, 1921, 1926, 1937. P. 495].

¹ Имеется в виду эклектика, не анализирующая адекватным образом элементы и теории, которые она пытается скомбинировать [Reuter, 1940. P. 293-304].

² Вот что пишет Э.К. Хейес во введении к книге Г. Миллера «Расы, нации и классы»: «Ни политическое действие, неадекватность которого показал профессор Элдридж (в книге “Политическое действие”), ни революция, патологический характер которой продемонстрировал профессор Сорокин, а социальное взаимодействие, каузальная действенность человеческих взаимоотношений является главенствующим фактором, обеспечивающим порядок и прогресс» [Miller, 1924. P. X].

³ «Конструктивный подход... можно обобщить одной фразой: всегда возможно что-то сделать... В работе по повышению благосостояния такой подход представляет тот безнадежно неизлечимый оптимизм, который мы в политической жизни называем демократией» [Bossard, 1934. P. 14-15]. «Нет никаких определенных правил, которых можно было бы шаг за шагом придерживаться при нахождении решения. Лучший выход для нас – это строго использовать на каждом этапе научные методы... [В] силу всегдашнего присутствия факторов неопределенности мы никогда не можем быть уверены в том, что наши выводы – нечто большее, чем просто приближение к истине...»

литической сферы ее патологические стороны обычно устанавливаются в таких терминах, как «антисоциальное», «коррупция» и т.д.¹ В других случаях политическое негласно отождествляется с правильным функционированием наличного и не анализируемого политического порядка; особенно часто его отождествляют с правовым процессом или отправлением правосудия². Если бы изучались «нормы», то исследователю, вероятно, пришлось бы увидеть целостные структуры норм и связать их с распределением власти. Но такая структурная точка зрения обычно не достигается. Уровень абстрагирования не дорастает до того, чтобы изучать эти нормативные структуры как таковые, причины их нарушения или их политические импликации. Вместо этого в анализируемой литературе обсуждаются многочисленные виды внешне не связанных друг с другом «ситуаций».

В то время, когда У.А. Томас создавал лексику ситуационного подхода, социальный работник считал ее конгениальной и полезной. Во влиятельной книге М.Э. Ричмонда «Социальная диагно-

Поскольку мы не можем полностью контролировать их деятельности... то наши лекарства должны быть частичными и приблизительными» [Gillette, Reinhardt, 1933, 1937. P. 16-17]. Один из типов связи между демократической идеологией и социальной патологией представлен в следующей цитате, в которой патологическим называется состояние, отклоняющееся от прежнего; эта цитата показывает также типичное отведение глаз от всех порядков господства, отличных от того его типа, который легитимирован традицией. «Когда обнаруживаются те или иные психопатологические состояния, можно постулировать в качестве их причины ненормальные отношения... [Т]у особую форму патологии, которая заключена в нашей проблеме, можно назвать *психозом угнетения*. Угнетение – это господство одной группы над другой» [Miller, 1924. P. 32]. Дж.В. Прайс в рецензии на книгу Куина и Грюнера: пишет: «Не пользуясь словом “демократия” в доктринальном смысле, авторы показали, насколько она полезна для искоренения патологий» [Price, 1941. P. 566].

¹ «Патологические фазы политического процесса включают такие виды антисоциального поведения, как делинквентность, преступность, беспорядки, бунты и революции. Важным примером подобного плохого функционирования является коррумпированная политическая деятельность» [Elliott, Merril, 1934, 1941. P. 28].

² Обратите внимание на отождествление «политического действия» с законодательной деятельностью: «В Америке социальную проблему любого и каждого рода обычно пытаются решать посредством политического действия. В итоге наши своды законов перегружены “мертвыми” законами, которые не проводятся в жизнь просто потому, что общественное мнение их не уважает и не чувствует себя за них ответственным» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 94].

стика» (1917) мы находим ключ к ответу на вопрос, почему патологи проходят мимо социальной структуры и сосредоточивают внимание на отдельных ситуациях, почему они склонны рассматривать проблемы как проблемы индивидов ¹ и почему последствия ситуаций не видятся ими как вплетенные в структуры:

Социальную диагностику... можно описать как попытку дать как можно более точное определение ситуации и личности человека, находящегося в состоянии некоторой социальной нужды, – т.е. его ситуации и личности в связи с другими людьми, от которых он так или иначе зависит или которые зависят от него, а также в связи с социальными институтами его сообщества [Richmond, 1917. P. 51, 62, 357].

Такого рода формулировки широко применялись к тем обособленным «проблемам», к которым обращались социологи ². «Ситуационный подход», в свою очередь, связан сродством с другими элементами, характеризующими их общую перспективу ³.

Нынешние институты готовят некоторые типы людей, как то судей и социальных работников, так, чтобы они мыслили в терминах «ситуаций» [Mannheim, 1940. P. 305]. Их деятельность и умственные воззрения формируются в рамках, заданных существующими нормами общества, и в своей профессиональной работе они склонны проявлять профессионально привитую им неспособность подняться над серией «частных случаев». Отчасти именно благодаря таким понятиям, как «ситуация», и таким методам, как «кей-

¹ «Опыт показывает, что реабилитация возможна только тогда, когда каждый случай бедности или иждивения берется отдельно и таящиеся в нем трудности рассматриваются со строгим вниманием ко всем сопутствующим обстоятельствам... Это должно делаться на индивидуальной основе, ибо... это невозможно сделать *en masse*» [Gillin, 1921, 1926, 1937. P. 13].

² «Социальные проблемы состоят из (а) социальной ситуации, (б) в которой...» [Bossard, 1934. P. 3]. «Социальная проблема – это ситуация, с которой сталкивается группа...» [Gillette, Reinhardt, 1933, 1937. P. 15].

³ «...упор, который делается в нашем социальном мышлении на ситуацию как единицу опыта, как “совокупность взаимодействующих и взаимозависимых факторов личности и обстоятельств”, есть в сущности признание идеи эмерджентного... Куин со всей ясностью признает импликация ситуационного подхода, когда пишет: “Для целей социологического анализа ситуация трактуется как образующаяся из связей между лицами, взятых как мгновенный срез постоянно меняющегося человеческого опыта... Мы, стало быть, делаем понятие ситуации нашим интеллектуальным инструментом” (Queen S. Some Problems of the Situational Approach // Social Forces. June, 1931. P. 481)» [Bossard, 1934. P. 57].

совый подход»¹, социальные патологи оказались интеллектуально привязанными к социальной работе с ее профессиональной позицией и политической ограниченностью. Кроме того, шансы увидеть социальные структуры, а не разброс ситуаций, уменьшаются для этой группы мыслителей в силу сходства происхождения и вероятного отсутствия непрерывного «классового опыта». Линзы опыта и ориентации, через которые они видят общество, слишком схожи и гомогенны, чтобы было возможным столкновение углов зрения, в котором через спор могло бы быть выстроено целое.

Важный для американской культуры факт иммиграции – когда каждая волна иммигрантов замещает в нижнеклассовом положении прежние волны и повышает положение более ранних иммигрантов также обычно понижает видимость структурных и классовых позиций². Таким образом, вместо того, чтобы обсуждать позиционные проблемы, патологи обычно видят проблемы в терминах индивидов – например, иммигрантов, «приспосабливающихся» к своему окружению³, «ассимилирующихся» или американизируемых. Вместо проблемы классовой структуры, заключающей в себе иммиграцию, обычно ставятся проблемы иммиграции, заключающей в себе националистическую ассимиляцию индивидов. Тот факт, что у некоторых индивидов были возможности подняться в американской иерархии, снижает шанс в полной мере разглядеть классовые потолки. В этих условиях подобные структуры видятся как флуктуирующие и несубстанциальные и чаще всего объясняются не через *классовые позиции*, а через *статусные установки*⁴.

Еще одним элементом, способствующим устранению аналитического видения структуры, является акцент на «процессуальном» и «органическом» характере общества. У Кули, оказавшего решающее влияние на обсуждаемые нами книги, обнаруживается в высокой степени формальная, многоаспектная текучесть, где «нет ничего фиксированного или независимого, все пластично, все под-

¹ Queen, Bodenhafer and Harper. P. VIII (редакторское предисловие С. Эдриджа): «Эта книга... выводит на передний план кейсовый подход к социальным проблемам».

² Обратим внимание на отсутствие структуры в концепции «класса» в следующей цитате: «Следовательно, если подойти к вопросу исторически, то окажется, что главной причиной жестких *классовых систем* общества и сопутствующих им изъянов является затаенная концентрация богатства в руках относительно небольшого числа людей» [Gillette, Reinhardt, 1933, 1937. P. 177].

³ О понятии «приспособления» см. ниже.

⁴ «Глубочайшей причиной классовых и групповых конфликтов является установка превосходства у одного класса или группы по отношению к другому классу или группе» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 59].

вержено влиянию и оказывает его» [Cooley, 1918. P. 44-45]. С точки зрения политического действия, такой взгляд может означать реформизм, имеющий дело с массами деталей и поощряющий склонность к аполитичности. В бесструктурном потоке не может быть оснований, или точек входа, для более широкого социального действия. Этот взгляд эпистемологически поддерживается эмоционально нагруженным неприятием «партикуляризма» и усиленным одобрением пусть и бесцветного, но безопасного «многофакторного» видения причинности¹. Либеральное «многофакторное» видение не ведет к концепции причинности, допускающей точки вхождения для более широких типов действия, особенно политического². Ни слова не говорится о глубинных структурных сдвигах, которые могли бы быть в узловых точках доступными для вмешательства и которые, подобно факту частной собственности в корпоративной экономике, могли бы быть увидены как порождающие много «проблем». Если членить общество на «факторы» и элементарные частицы, то для объяснения чего-то понадобятся, разумеется, лишь немногие из них³, и никогда нельзя быть уверенными, что будут учтены все. Формальный акцент на «целом»

¹ «Одним из важнейших концептов для понимания социальных проблем является идея множественной причинности» [Elliott, Merrill, 1934, 1941. P. 38].

² См. выше комментарии о политической релевантности. «Эту главу можно, наверное, резюмировать таким образом: ясно, что искать лечение бедности нужно не просто в тех или иных экономических переустройствах, а в научном контроле над всем жизненным процессом человеческого общества. Это значит, что для избавления от бедности нужно избавиться от дефектов в образовании, в государственном управлении, в религии и нравственности, в филантропии и даже в физической наследственности. Это может быть сделано, разумеется, лишь тогда, когда будет научное понимание условий, необходимых для нормальной человеческой социальной жизни» [Ellwood, 1910-1935. P. 324].

³ «...современная теория причин бедности преодолела любые односторонние объяснения и стала многосторонней теорией». Обсуждаются следующие условия бедности и зависимости: скудные природные ресурсы, неблагоприятный климат, плохая погода, насекомые-вредители, катастрофы, болезни и недомогания, физическая наследственность, ментальная наследственность, погруженность детей в неблагоприятное окружение, смерть или инвалидность кормильца, безработица, отсутствие адекватной оплаты труда, традиции, обычаи, привычки, реклама и покупки в кредит, колебания в соотношении стоимости жизни и доходов, неравное распределение богатства и дохода, семейно-брачные отношения, политические условия, неблагоприятная филантропия и т.д. После этих обсуждений излагаются *семейные кейсы*, преподносимые как «исследования причинности» [Gillin, 1921, 1926, 1937. P. 51-128].

вкупе с отсутствием целостного структурного анализа и фокусировкой внимания на разрозненных ситуациях нисколько не помогает реформировать статус-кво.

«Органическая» ориентация либерализма выдвигает на передний план те социальные факторы, которые способствуют установлению гармоничного баланса элементов ¹. Шансы на действие сводятся к минимуму в социальной среде, где «всегда есть неразрывная преемственность с прошлым, и не только с каким-то элементом прошлого, а со всем взаимодействующим организмом человека» [Cooley, 1918. P. 46]. Если все социальное рассматривается как непрерывный процесс, то изменения в темпе и революционные сдвиги либо просто не замечаются [Lerner, 1938. P. 14-15] ², либо воспринимаются как признаки «патологического». Формализация и предположительное единство, предполагаемые «нравами», также уменьшают шансы на то, что будут увидены трещины и структурные сдвиги.

Обычно патологи не пытаются выстроить структурное целое. А когда они рассматривают целостности, это делается с помощью таких понятий, как «общество», «социальный порядок» (или «социальная организация»), «нравы и институты» и «американская культура». Относительно употребления ими таких терминов следует отметить четыре вещи.

(а) Эти термины изображают недифференцированные сущности. На что бы они ни указывали, всё является систематически однородным. Некритическое использование такого термина, как «the», позволяет автору принимать в политически решающих контекстах скрытое допущение гомогенного и гармоничного целого ³. Обширная ткань «общества» (the society) в состоянии сама о себе позаботиться, она каким-то образом и в конечном счете гармонична ⁴, ей свойственно пронизывающее ее «стремление к согласован-

¹ В то же время многие социалистические теории обычно упускали из виду гибкие элементы, существующие в обществе [Mannheim, 1934. P. 25-26].

² См.: статья «Social Process» в *Encyclopedia of the Social Sciences*. Документация и последствия приведены ниже.

³ «Вся эта групповая жизнь изящно вплетена в систему, которую мы называем обществом...» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 11].

⁴ «Но цель общества всегда состоит в том, чтобы стать одинаково выгодным для всех» [Ibid. P. 15]. «Социальной организацией могут быть названы любое состояние и любая связь элементов социальной группы; под социальным порядком же мы понимаем устоявшуюся и гармоничную связь между индивидами или частями общества. Следовательно, проблема социального порядка – это проблема гармоничной адаптации между индивидами в группе...» [Ellwood, 1910-1935. P. 395].

ности»¹; в других случаях считается достаточным сотрудничество всех² или даже, возможно, принимается в качестве решения правильное моральное чувство³.

(б) Формальная пустота этих терминов соотносится с низким уровнем абстракции. Их *формальность* способствует эмпирическому увлечению «повседневными» проблемами человеческой микросреды (сообщества).

(в) Мало того, что такие термины используются «описательно», они используются еще и нормативно. Термин «социальное» становится удобным, когда используется для этических выступлений против «индивидуализма», таких абстрактных моральных качеств, как «самолюбие» и отсутствие «альтруизма», или «антиобщественных» чувств⁴. «Социальное» мыслится как «совместная» «причастность»

¹ Примечательно, что именно Самнер с его негласной верой в «естественный» порядок предложил это выражение и все то, что им подразумевается.

² «Поскольку сообщество образуется некоторым числом соседств, то необходимо, чтобы все сотрудничали в деле улучшения и совершенствования школ...» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 13].

³ «Только когда на место непреклонного своекорыстного желания личных преимуществ встанет страсть к социальной справедливости... общество избавится от условий, подавляющих одни классы населения и возвышающих другие» [Gillin, 1921, 1926, 1937. P. 133].

⁴ «...возрастание альтруизма необходимо для успеха тех все более усложняющихся форм сотрудничества, которые характеризуют высшую цивилизацию и служат для нее опорой» [Ellwood, 1910-1935. P. 84]. «Без духа альтруизма общество было бы лишь жалким подобием коллективного человечества, которое мы считаем сотворенным по образу и подобию Божьему» [Mangold, 1932, 1934. P. 17]. И, наоборот, в «антиобщественное» обычно включается ряд абстрактных моральных черт индивидов: «Анализ процесса дезорганизации показывает два типа антиобщественных сил: (1) силы, сознательно направленные против общества, и (2) безличные органические силы, вытекающие из рассмотренного выше формализма... которые направлены на достижение своекорыстных целей. Эти люди прекрасно сознают свои антиобщественные установки. Общественные ценности не имеют для них значения... В жизни этих людей зачастую не было никакого социализирующего влияния... Сотрудничество, или “взаимопомощь”, невидный спутник эффективной социальной организации... Ареалы порока... функционируют по причине людских вожделений, поскольку индивидуальные желания имеют более глубокие корни, чем всякое чувство социальных последствий... Проститутка существует лишь потому, что служит средством чувственного удовольствия и насыщения мужчины» [Elliott, Merrill, 1934, 1941. P. 43]. «Грех, порок, преступность, коррумпия, все сознательно направленные против общества силы приносят наслаждение...» [Ibid. P. 44]. «Антиобщественные привычки приводят к бедности, и в первую очередь они преобразуют бедность в иждивенчество. Главный среди

(sharing) к чему-то или как нечто «способствующее общему благосостоянию»¹. Употребление слова «общество» в противовес слову «государство», характерное для растущей буржуазии конца XVIII в., уже наделило «общество» тем «демократическим» привкусом, который передается в обсуждаемой литературе.

(г) Существует сильная склонность практически отождествлять «общество» с первичными группами и небольшими гомогенными сообществами или мыслить его по большей части в таких терминах. Такое понимание «общества» типично для обсуждаемой нами литературы². Объясняя это, мы обнаруживаем элемент, очень важный для понимания всей этой перспективы.

Основа «стабильности», «порядка» или «солидарности» в этих книгах обычно не анализируется, но концепция такой основы неяс-

этих пороков – невоздержанность. До принятия сухого закона она...» [Mangold, 1932, 1934. P. 19]. «Когда имеется... характеризующееся гармонией, слаженной работой, пониманием, одобрением и т.п., можно говорить об организации. Когда верно обратное и имеется... отмеченное напряженностью, конфликтом или разладом, можно говорить о дезорганизации» [Queen, Bordenhafer, Harper, 1935. P. 4].

¹ Gillin, Dittmer and Colbert. P. 5: «“Это слово [«социальное»] означает способствующее коллективному благосостоянию, а потому становится почти эквивалентом морального» [Cooley, 1902, 1922. P. 4]... именно это... значение ближе всего к нашей интерпретации... – “способствующее коллективному благосостоянию”. Иначе говоря, это отношения и продукты отношений, которые, как считается, благоприятствуют и споспешествуют *групповой жизни* и обеспечивают *групповое выживание*» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 5].

² «...личные связи... это самые важные связи в социальной организации...» [Gillin, 1933, 1939. P. 313]. «В лучших образцах социологического мышления обычно подчеркивается важность для понимания нашей социальной жизни “первичных” групп, или групп лицом-к-лицу» [Ellwood, 1910-1935. P. 3-4]. «Первичные группы... наиболее интересны с социологической точки зрения, поскольку показывают социальную жизнь в максимальной ее интенсивности и являются носителями наиболее жизненно важных ее элементов, особенно традиций цивилизации» [Ibid. P. 77]. «Основная значимость первичных групп в нашей социальной жизни, однако, состоит в том, что они... дают “образцы”, которые мы пытаемся воплотить в нашей социальной жизни в целом» [Ibid. P. 79-80]. «Вся история человечества была в каком-то смысле борьбой за перенос альтруизма и солидарности из семьи во все более расширяющиеся группы людей» [Ibid. P. 84-85]. «Первичные группы, или группы лицом-к-лицу, служат ключом к пониманию нашей социальной жизни...» [Ibid. P. 90-91]. «...дом, вероятно, является наифундаментальнейшим из наших социальных институтов...» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 282]. «Все, что угрожает стабильности семьи, угрожает обществу» [Ibid. P. 285]. «Семейная жизнь – место сосредоточения практически всех наших социальных проблем» [Bossard, 1934. P. 555].

но используется и санкционируется ¹, поскольку при определении «патологических» состояний предполагается некоторая нормативная концепция социально «здоровой» и стабильной организации. «Патологическое» поведение определяется не в *структурном* смысле (т.е. как несовместимое с существующим структурным типом) и не в *статистическом* смысле (т.е. как отклонения от центральных тенденций). Об этом свидетельствует регулярно выдвигаемое утверждение, что патологические состояния *в изобилии* присутствуют в городе ². Если они присутствуют в нем «*в изобилии*», то

¹ «Сам идеал социальной солидарности приходит из единства, переживаемого в таких [первичных] группах» [Ellwood, 1910-1935. P. 79-80]. «Все больше людей, живущих в гигантских городах, становились все более безродными, отрезанными от всяких стабильных связей деревенской жизни...» [Ibid. P. 410]. «Досуг в сельских местах по большей части домашний... В городе он профессионализован... Паттерны поведения... и здесь дезорганизованы, так что нужно находить новые паттерны» [Ibid. P. 409]. «Города являют взору все социальные проблемы, за исключением тех, которые специфичны для сельскохозяйственных добывающих предприятий» [Gillette, Reinhardt, 1933, 1937. P. 116]. «Поскольку большинству *обитателей* городов недоступны *естественные* возможности для удовлетворения их желания танцевать, то отсюда неизбежно следует, что обеспечение таких возможностей ставится на коммерческую основу» (курсив мой) [Fairchild, 1916, 1921. P. 304]. «Рычагов контроля, которые были эффективны в небольшом, устойчивом сельском сообществе, в городе... уже недостаточно. К этому факту можно свести многие из тех условий, о которых мы говорим как о социальных проблемах...» [Rosenquist, 1940. P. 47]. «...люди находят свои жизненные интересы и ценности в членстве и участии в группах. Наиболее влиятельны группы, дающие тесные связи, связи лицом-к-лицу, как то семья, двор, клуб, соседство и небольшое сообщество... Всякая здоровая и приносящая удовлетворение жизнь должна обеспечивать воспроизводство таких малых групп и таких институциональных форм... Одна из наиболее трудноразрешимых и злободневных задач, вытекающих из роста городов, – это недопущение полной дезорганизации важнейших социальных групп. В сельском сообществе...» [Beach, Walker, 1934. P. 102-103]. «Отчетливое стремление населения в город и быстрый рост крупных городских центров, вкупе с тем обратным влиянием, которое они оказывают на сельские регионы, конституируют основу практически любой социальной проблемы, обсуждаемой в этой книге» [Bossard, 1934. P. 113].

они не могут быть «анормальными» в статистическом смысле и вряд ли преобладают в структурном смысле. Можно предположить, что нормами, в соотнесении с которыми распознаются «патологические» состояния, являются «гуманитарные идеалы». Но тогда мы должны спросить о социальной ориентации таких идеалов¹. Используемые в обсуждаемой литературе критерии патологического оказываются по своей ориентации и происхождению типично сельскими².

Большинство рассматриваемых «проблем» возникает из-за разрушения в городе некоторых ценностей, способных жить, в подлинном смысле слова, лишь в относительно гомогенной и первичной сельской среде. Почти все эти «проблемы» обычно относятся к городскому поведению. Когда речь заходит о «сельских проблемах», они мыслятся как обусловленные расползающейся урбанизацией³. Понятие дезорганизации зачастую указывает всего лишь на отсутствие того *типа* организации, который связан с первично-групповыми общинами, имеющими христианские и джефферсонские легитимации⁴.

¹ Именно этого *не* делает Уоллер в своем провокативном обсуждении «гуманитарных» и «организующих нравов» [Waller, 1936. P. 922-923].

² Дом, «развивающийся как... сельский», рассматривается как «дезорганизованный» в городе [Gillin, 1933, 1939. P. 407]. «[В городе] только бунтарь, неспособный и не желающий приспособиться к машине и организации, сохраняет личную независимость... Фермер, сознающий, что он живет своим разумением... реагирует на свою среду чувством независимости, и это – нормальная реакция. У городского рабочего нет ясного и острого чувства своей зависимости от природы» [Ibid. P. 409]. «Как бы ни отличался их подход, базовой дилеммой цивилизации остается фундаментальное рассогласование ценностей и стандартов общепринятых определений ситуации» [Elliot, Merrill, 1934, 1941. P. 32].

³ «Отражением проблемы города является проблема села» [Ellwood, 1910-1935. P. 281]. «[Урбанизация], которая модифицировала солидарность сельской семьи...» [Gillin, 1933, 1939. P. 429]. «Контакты... освобождают индивидов от контроля со стороны первичных групп... это ведет к установлению персональных норм поведения вместо подчинения групповым стандартам» [Hayes, Shannon, 1935. P. 22]. (Здесь даже не предполагается, что есть *городские* типы норм).

⁴ Интеллектуальные следствия дрейфа из села в город не ограничиваются перспективами, отмеченными нами в литературе по патологии. Если взять американскую социологию в целом, то, например, работы Э.А. Росса становятся понятными через реакцию этих людей, ориентированных на фермерскую демократию, на рост крупного бизнеса, его контроль над железными дорогами и т.д. Еще один сегмент американской социологии, в котором *интеллектуально* очевидно сельское прошлое, – это сама «социология села». Эта область демонстрирует позитивную сторону проблемы, ибо здесь страсть к

Кули, украсивший американскую социологию в локальные тона, был главным провозвестником этой концепции нормальной организации. Он видел «великую историческую задачу человечества» в достижении более эффективной и широкой организации этого морального порядка и паттерна добродетелей, развиваемого в первичных группах и сообществах [Cooley, 1909]. Кули взял идеалистический абсолютизм¹ и придал ему облик органической деревни; весь мир должен был стать расширенной христианско-демократической версией такой деревни. Он по сути уподобил «общество» этому первично-групповому сообществу и в таком виде эмоционально и концептуально его благословил². «Здесь, – говорит Т.В. Смит о Кули, и эти слова можно отнести к любому типичному социальному патологу, – отражается нечто в высшей степени общее для нашей культуры, а именно идеал близости, не достигая которого, мы не находим удовольствия в отношениях с другими людьми. Социальная дистанция – это горькая участь, многострадальная и оплакиваемая в наших христианских традициях как в высокой степени неидеальная, если не сказать аморальная. Святых нам недостаточно; нам нужно еще и

ценностям, связанным с сельской простотой и добрососедством, еще заметнее. В этой литературе первичное, сельское наследие берется как источник «стабильности» и мыслится как вместилище «ценностей». Функция таких растяжимых понятий, как «городское», состоит в том, чтобы ограничить признание городского характера доминирующих ныне социальных структур. В историческом плане нам нет нужды спорить с этими акцентировками: глубинная форма американской демократии и религии, например, многое почерпнула из доминирования сельского общества. А быстрая урбанизация – вполне возможно, лишь видимость, таящая под собой массы сельско-ориентированных личностей. Тем не менее тот род структурной стабильности, который вырос в Америке из сельских паттернов, историчен. В нынешнем мире тип стабильности, который может родиться – и действительно отчасти родился – из тоски по первичным контактам, исторически связанным с кровными узами и близостью к почве, является прямолинейной его разновидностью.

¹ «Кули был эмерсонянцем, находя индивидуальное Я в сверхдуше» [Mead, 1935. P. 701]. Ср.: [Hegel, 1884. P. 39-44].

² Обратим внимание на обычное связывание городской «безличности» и «формализма» с «дезорганизацией»: «...отсутствие гармонии между различными элементами социального порядка в каком-то смысле... иллюстрируется безличностью социальной организации и вытекающим отсюда процессом социальной дезорганизации... [ссылка на: Cooley, 1918. P. 3-29]». [Elliott, Merrill, 1934, 1941. P. 16]. «Существует теснейшая связь между формализмом и дезорганизацией, хотя на первый взгляд эти два состояния кажутся противоположными полюсами социального процесса. В действительности это последовательные шаги в одном и том же великом движении дезорганизации; последнее происходит из формализма...» [Ibid. P. 574].

«общение» святых. Чтобы быть в социальных отношениях, мы должны сталкиваться нос к носу друг с другом» [Smith, 1934. P. 111].

Цель сохранения сельски-ориентированных ценностей и стабильностей мы видим в неявной модели, используемой для обнаружения городской дезорганизации. Демонстрируется она также и акцентом на благосостоянии *сообщества*. Сообщество берется как основная единица и часто очерчивает круг интересов и проблематизаций¹. Решения тоже должны вырабатываться в рамках идеально демократических сообществ². Отметим, что иногда, хотя не обычно и

¹ «Все формы ассоциации интересны для социолога, хотя и не все одинаково важны. Естественные, генетические социальные группы, которые мы называем “сообществами”, лучше всего демонстрируют социологические проблемы. Например, с помощью изучения таких простых и первичных групп, как семья и соседская группа, задачи социологии решаются гораздо эффективнее, чем с помощью изучения общества в целом или ассоциации вообще» [Ellwood, 1910-1935. P. 12]. «...естественные группировки, такие как семья, соседство, город, штат (провинция) и нация. Они могут быть названы и обычно называются *сообществами*, поскольку состоят из индивидов, ведущих общую жизнь во всем ее многообразии. Добровольные, целевые объединения всегда существуют внутри какого-нибудь сообщества, большого или маленького. Группы, которые мы называем “сообществами”, являются, следовательно, более всеохватными, более устойчивыми и менее искусственными и специализированными, чем чисто добровольные группы. В силу этого сообщества представляют для социолога больший интерес, чем специализированные добровольные группы, и социология в некотором особом смысле есть изучение проблем жизни сообщества» [Ibid. P. 76-77]. «Принятие сообщества как определяющей единицы в социальной работе и в социальной теории стало за последние пятнадцать лет общим местом. Участие Америки в Мировой войне было важным фактором, приведшим к этому результату, во-первых, потому что сообщество явило себя основным выражением демократического духа, порожденного войной, и, во-вторых, потому что сообщество прониклось различными деятельностями и побуждениями военного времени как самая эффективная единица в деле мобилизации духа и ресурсов нации» [Bossard, 1934. P. 49-50].

² «...социальная работа, которая означает такое научное развитие и налаживание человеческих отношений, которое обеспечило бы нормальную жизнь индивидам и сообществам и способствовало прогрессу индивида и сообщества» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 282]. «...важно иметь в виду, что главной задачей является задача так отладить нашу социальную жизнь и наши социальные институты, чтобы мы как индивиды и как сообщества могли как можно больше пользоваться и наслаждаться цивилизацией и идти по пути прогресса» [Ibid. P. 47]. В третьей части книги Фолетом предложено, чтобы соседские группы организовались в политические единицы. Это позволило бы обеспечить выражение повседневной жизни и вызвать живые потребности, дабы они могли стать содержанием политики. Соседство как политическая единица сделало бы возможной дружескую близость; оно социализировало бы людей и обеспечило «осознание единства» [Follett, 1918].

не исключительно, решения мыслятся как зависящие от абстрактных моральных черт или их демократических суррогатов, таких как «единодушная общественная воля»¹.

«Культурное отставание» рассматривается многими патологами как понятие, с помощью которого можно распознавать и систематизировать самые разные проблемы. Если подход, акцентирующий отклонение от норм, ориентирован «идеологически» на сельский тип порядка и стабильности, то модель культурного отставания неявно ориентирована «утопическим»² и прогрессивным образом на такое изменение отдельных областей культуры или каких-то институтов, которое «интегрировало» бы их с состоянием прогрессирующей технологии³. Надобно разобраться в том, как патологи пользуются самим «отставанием», а не абстрактными его формулировками [Woodward, 1934. P. 388].

Хотя все ситуации, называемые «отставаниями», *существуют* в настоящем, их функциональные реальности соотносятся не с ним, а с прошлым. Таким образом, оценки переносятся во временную последовательность. «Культурное отставание» – это утверждение о неравномерном «прогессе». Оно говорит нам, какие изменения «требуются», какие изменения «должны были» произойти, но не произошли. С точки зрения разных сфер общества, оно говорит, что такое прогресс, сколько его у нас было, должно было быть, не было, когда и где мы его недобрали. Вменение «отставания» усложняется исторической оценкой, в обличье которой оно выдвигается, и упаковыванием программного содержания в псевдообъективные фразы, такие, например, как «требуется».

Признать, что постановка проблем в терминах культурного отставания содержит в себе оценки, пусть даже и скрытые, недостаточно. Нужно найти общие локусы такого рода оценивания, а затем объяснить, почему именно эту форму оценивания патологи с такой готовностью приняли и так широко практикуют. Модель, в которой институты отстают от технологии и науки, заключает в себе позитивную оценку естественной науки и упорядоченного прогрессивно-

¹ «Сегодня “проблема злоупотребления спиртным” в Соединенных Штатах стоит так же остро, как в прошлом, и, может быть, даже еще острее» [Gillin, 1933, 1939. P. 97]. «Ее решение должно исходить из разбуженной и единодушной общественной воли» [Ibid. P. 101].

² Определения этих терминов см. в работе К. Мангейма [Mannheim, 1936].

³ Вместе с тем между «отставанием» и «нормами» есть связь: «В дискуссиях о культурных отставаниях в семье часто предполагается своего рода нормальный паттерн, и обычно считается, что он постоянно сохраняет свою силу ввиду выполняемых им функций» [Queen, Bodenhafer, Harper, 1935. P. 437].

го изменения. Она произвольно выводится из либерального воспроизводства просвещения с его полным рационализмом, мессианским и ныне политически наивным восхищением естественной наукой и трактовкой времени как прогрессии. Такое понимание прогресса было привнесено в американские колледжи господствовавшей некогда шотландской моральной философией. После гражданской войны и на протяжении первых двух-трех десятилетий XX века расширяющиеся деловые и средние классы овладевали средствами производства, политической властью и социальным престижем; многие академические работники этого поколения рекрутировались из этих поднимающихся слоев и/или активно с ними смешивались. Представления о прогрессе близки по духу тем, кто поднимается по шкале позиций и доходов.

Социологи, мыслящие в русле этой модели, обычно не фокусировали внимание на условиях и группах интересов, ответственных за разные «темпы изменений» в разных сферах. Можно сказать, что с точки зрения темпов изменения, с которыми *могут* двигаться разные секторы культуры, «отстает» как раз технология, в силу той специфической причины, что патенты и т.п. контролируются сильными интересами [Stern, 1938]. В отличие от патологов, у Веблена «отставание, протечка и трение» – это структурный анализ промышленности в противовес деловому предприятию ¹. Он фокусировал внимание на том, где «отставание», видимо, чему-то мешает; он пытался показать, как усвоенная некомпетентность легитимных бизнесменов, действующих в соответствии с предпринимательскими канонами, увенчивается коммерческим саботажем производства и эффективности ради увеличения прибыли в рамках системы цен и собственности. Ему претил этот «топорно сработанный результат», ион в деталях описал его механизм. В руках патологов эта концепция потеряла свою специфическую и структурную укорененность: она была обобщена и отрывочно применена ко всему. Это обобщение делается с помощью таких пустых терминов, как «адаптивная культура» и «материальная культура» ². Программа действий, воплощенная в применении таких терминов, ни на чем конкретно не сфокусирована.

Еще одна модель, в рамках которой устанавливаются дезорганизации, – модель собственно «социального изменения» ³. Эта мо-

¹ В работах «Инженеры и система цен» и «Теория делового предприятия».

² «...согласно Огборну [Ogburn, 1922], в той мере, в какой адаптивная культура перестает идти вровень с материальной культурой, объем социального неблагополучия соответственно возрастает» [Bossard, 1934. P. 5].

³ «Социальная дезорганизация – функция быстро меняющихся условий жизни людей» [Gillin, 1933, 1939. P. 416]. «Социальная дезорганизация – это

дель не используется каким-либо одним типичным способом, но обычно в ней содержится неявное допущение, что люди удовлетворительно «приспосабливаются» к любым социальным условиям, существующим на протяжении долгого времени, и что при изменении какого-то аспекта социальной жизни может возникнуть социальная проблема [Rosenquist, 1940. P. 8-10]. Это представление ориентировано идеологически, но при этом таит в себе допущения, которые схожи с допущениями концепции культурного отставания и могут даже рассматриваться как их вариант. Такая схема проблематизации связана взаимной поддержкой с рассмотренной выше идеей непрерывного процесса; но здесь медленный, «эволюционный» темп изменения эксплицитно принимается как нормальный и организованный ¹, а «скачки» в нем берутся как проблематичные ². Здесь следует напомнить об ориентации на «сельские» типы ор-

резкий разрыв в существующих социальных установлениях или серьезное изменение в рутине групповой жизни, вызывающее неспособность» [Hayes, Shannon, 1935. P. 20]. «...если окинуть широким взглядом общие категории социальных проблем, перечисленные нами в предыдущих главах, то должно быть ясно, что большинство из них или их сегодняшних проявлений обусловлены или усугубляются процессом социального изменения» [Odum, 1927. P. 100].

¹ «Социальная жизнь и ее продукты требуют для своего развития и созревания больших промежутков времени...» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 48]. «Социальные изменения по большей части невелики и просты и напоминают осмос в мире природы и органической жизни». Превознесение постепенности связано с ориентацией на первично-групповые связи и переживания и, следовательно, на понимание социального как того, что люди «разделяют друг с другом» [Gillette, Reinhardt, 1933, 1937. P. 13]. См., например.: «Ассимиляция, с другой стороны, происходит постепенно и зависит от некоторой степени контакта и коммуникации, обеспечивающей хотя бы какое-нибудь жизненное разделение общего опыта (ср.: *Follett, 1924*)...» [Elliott, Merrill, 1934, 1941. P. 11].

² *Gillette and Reinhardt*. P. 30: «...необходимо подчеркнуть, насколько важно нам думать о скачках в промышленности или в образовании и о нашей зависимости от правильного обучения, ведь только последнее может сохранить в обществе стабильность и прогресс» [Gillette, Reinhardt, 1933, 1937. P. 30]. «Привычные, каждодневные, рутинные, конвенциональные деятельности, к счастью, составляют основную часть жизни и наполняют основную часть нашего времени. Часто, однако, они прерываются социальными катаклизмами, потрясениями, сдвигами и появлением проблемных классов людей» [Ibid. P. 21]. «...революция – это не *нормальный* метод социального изменения; ...она означает крушение нормальных средств социального развития; ...она не неизбежна, и ее легко избежать гибкостью в социальных институтах и в ментальных установках классов и индивидов...» [Ellwood, 1915, 1919. P. 230].

ганизации. В соответствии с акцентом на непрерывном процессе, точка соединения санкционированного порядка с желательным изменением типологически и структурно не прорисовывается¹. Концепция «баланса» в этом отношении дело обычное, а иногда и открыто санкционированное². Вопрос о том, изменения в каких сферах вызывают дезорганизацию, остается открытым; занимаемая по нему позиция обычно располагается где-то между двумя крайностями, обе из которых считаются плохими³. Это проявляется в том очевидном факте, что то, что консерватор называет дезорганизацией, радикал вполне мог бы назвать реорганизацией. Без конструирования всей актуально проявляющейся социальной структуры нам остается лишь шараться между простыми оценками.

Помимо «отклонения от норм», ориентации на сельские принципы стабильности, «культурного отставания» и «социального изменения», есть еще одна концепция, в терминах которой обычно обсуждаются «проблемы»: это концепция адаптации или «приспособления» и их противоположностей⁴. Патологическое, или дезоргани-

¹ Понятие текущих обстоятельств, расширяемое порой до масштаба исторической иррациональности, входит в процессуальные, неструктурные параметры перспективы; обратим также внимание на соответствие его аполитичному и «точечному» реформизму. «Жизнь динамична. Жизнь – это беспрестанное, ошеломляющее изменение, и человек, как бы он ни был вооружен прошлым опытом, никогда не может быть уверен в будущем. Он должен признать, что ближайшее настоящее – это постоянно меняющаяся система координат, а будущие проблемы – дело случая, от которого прошлое не дает никакой надежной панaceи» [Elliott, Merrill, 1934, 1941. P. 3].

² «Введение редактора» Э.К. Хейеса к книге *Weatherly U.G.*: «Понимание того, что прогрессивное изменение вряд ли замедлится в грядущем поколении... и решимость... способствовать прогрессу – нормальная установка каждого человека, воодушевленного благородной преданностью и...» [Hayes, 1926. P. XII]. «Свою ценность имеют и новизна, и консерватизм; баланс между ними, являющийся идеальной установкой...» [Weatherly, 1926. P. 138]. «Дисциплина и освобождение – не антагонистические процессы, а взаимодополняющие части одного процесса, коим является социальное уравнивание. Они иллюстрируют закон физики... стабильность достигается только через баланс сил» [Ibid. P. 380].

³ «Цель книги – показать, в каком направлении должно двигаться наше социальное мышление, чтобы избежать революции, с одной стороны, и реакции, с другой» [Ellwood, 1915, 1919. P. VII].

⁴ «...можно смело утверждать, что сбой в приспособлении относятся к числу наиболее многочисленных и важных форм аномальности; они часто достигают такого размаха, что охватывают целые социальные группы или классы» [Fairchild, 1916, 1921. P. 35].

зованное, считается плохо приспособленным. Обычно это понятие, как и понятие «нормального», лишено конкретного социального содержания¹; либо его содержание оказывается в конце концов пропагандой подчинения тем нормам и характеристикам, которые идеально ассоциируются со средой небольшого города и среднего класса². Когда индивид считается неприспособленным, «социальный тип», к которому он не приспособлен, не уточняется. Социальные и моральные элементы прячутся за квазибиологическим смыслом термина «адаптация»³ и антуражем таких явно социально пустых терминов, как «существование» и «выживание», все еще, видимо, черпающих свою престижность в моде на эволюционизм⁴. Квази-

¹ «Все социальные проблемы вырастают из *коренной* социальной проблемы: проблемы приспособления человека к своему миру, а социального мира – к человеку. Плохие приспособления в этих связях как раз и дают нам все наши социальные проблемы...» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 536]. «Хотя слово “нормальное” передает вполне определенный и по большей части точный смысл уму любого мыслящего человека, его крайне трудно определить конкретно... Обычно, когда слово “нормальное” используют для передачи определенной идеи, оно означает нечто гармонирующее с общим складом и организацией обсуждаемого объекта, нечто согласующееся с другими нормальными факторами» [Fairchild, 1916, 1921. P. 16].

² Элиот и Меррилл справедливо утверждают, что в «обсуждении “нормальной жизни” у Эдварда Т. Дивайна нормой является здоровый и не наполненный ничем выдающимся жизненный цикл среднего человека (мужчины или женщины) из среднего класса. Эти люди никогда не поддаются соблазнам большого богатства, но при этом не входят в контакт с бедностью, преступностью, пороком и другими неприятными и грязными аспектами жизни [Divine, 1924. P. 5-8]. Таким образом, его книга посвящена рассмотрению “нормальных стандартов” нескольких поколений буржуазии...» [Elliott and Merrill, 1934, 1941. P. 17].

³ Когда такое сокращение происходит; отметим, однако, мощную эмоциональную нагрузку, которую может получать этот термин: «...мало кто из маленьких детей в нынешнем поколении и еще меньше в следующем никогда не увидит солнце и зеленую травку из-за грехов своих родителей или беззаботности своего врача; а благодаря нашему растущему обеспечению всех бесплатным общественным образованием, все более и более адаптируемым к потребностям отдельного ребенка, тысячи мальчишек и девчонок станут разумными, ответственными гражданами, достойными свободной нации, а не пешками в руках недобросовестных политиков. Все это и много что еще обусловлено социальными приспособлениями, осуществляемыми ценой непрестанных усилий и жертв со стороны мужчин и женщин, которые...» [Dexter, 1927. P. 408].

⁴ «Социальная патология... это изучение социальных паттернов и процессов, заключенных в неспособности человека приспособить себя и свои институты к требованиям существования в целях выживания и удовлетворения нужд своей природы» [Gillin, 1933, 1939. P. 4].

биологизм и бесструктурность понятия «приспособление» ведут через формализацию к его универсализации, тем самым опять же замаскировывая конкретное социальное содержание. Речи о «приспособлении» означают принятие целей и средств, свойственных среде небольшого сообщества ¹. Употребляя эти термины, авторы в лучшем случае предлагают методы или средства, считаемые менее разрушительными, чем другие, для достижения заданных целей. Обычно они не задумываются о том, могут ли какие-то группы или индивиды, втянутые в экономически ущемляющие их ситуации, достичь текущих целей без радикальных изменений в базовых институтах, служащих каналами их реализации. Идея приспособления, видимо, наиболее применима к социальной сцене, на которой с одной стороны стоит общество, а с другой – индивидуальный иммигрант ². Иммигрант «приспосабливается» к новой среде. «Проблема иммигранта» попала в фокус внимания патологов давно, и понятия,

¹ «Об индивиде, не укладывающемся в эти [социально одобренные] стандарты, говорят, что он *неприспособленный*. А если он даже не заботится о том, чтобы им соответствовать, его называют деморализованным и дезорганизованным» [Gillin, 1933, 1939. P. 8]. «В этой книге о “социальном приспособлении”... говорилось применительно к... необходимой задаче сглаживания острых углов и смягчения сокрушительных ударов со стороны безразличной социальной системы. Этот термин... практически синонимичен “социальной адаптации” – приравниванию человека к его целостной среде, физической и социальной. До сих пор главным образом неприспособленные индивиды или группы пользовались услугами “корректировщиков”» [Dexter, 1927. P. 407]. (Обратите внимание на *идеологическую* ориентацию понятия.)

² «Другая форма некомпетентности, которую можно назвать “неприспособленностью”, не предполагает каких-то недостатков у самого индивида... С человеком все в порядке, но он не на своем месте. Наши иммигранты дают сколько угодно примеров этой формы некомпетентности... Но иностранец – не единственный пример. Наша современная жизнь, особенно городская, прямо-таки кишит такими примерами» [Fairchild, 1916, 1921. P. 34]. Под заголовком «Проблема приспособления иммигранта», Боссард писал: «У большинства людей жизнь складывается в основном из привычных реакций на требования сравнительно неизменной среды. Когда человек изменяет свою среду, требуются новые, возможно, еще не опробованные реакции. Необходимы, как мы говорим, новые приспособления» [Bossard, 1934. P. 110]. «Социальная патология... возникает из рассогласований между индивидом и социальной структурой» [Gillin, 1933, 1939. P. 10]. «Как эффективная социальная организация предполагает гармонию между индивидом и общественными интересами, так и дезорганизованный социальный порядок непременно заключает в себе конфликт между индивидуальной и социальной точками зрения» [Elliott and Merrill, 1934, 1941. P. 22].

используемые для постановки этой проблемы, возможно, были взяты за основу для построения модели опыта и формулировки других «проблем». Исследование «Польский крестьянин» (1918), сильно повлиявшее на обсуждаемые здесь книги, было эмпирически сфокусировано именно на иммигрантской группе.

При рассмотрении понятия приспособления можно проанализировать конкретные иллюстрации неприспособленности, приводимые патологами, и вывести из этих примеров тип социальной личности, оцениваемый в этой литературе как «приспособленный». Идеально приспособленный человек, в трактовке социальных патологов, «социализирован». В этическом плане этот термин функционирует, видимо, как противоположность «эгоистического»¹; он предполагает, что приспособленный человек следует морали и мотивам среднего класса и «участвует» в постепенном прогрессе уважаемых институтов. Если он и не «активист», то наверняка крутится где-то рядом и вхож во многие организации сообщества². Если индивид социализирован, то он думает о других и дружелюбен по отношению к ним. Он не сбивается с другими в стаи и не впадает в апатию; в какой-то степени он экстраверт, энергично участвующий

¹ «Под социализацией мы имеем в виду направление человеческих мотивов на обеспечение даже «ничтожнейших» членов социального целого благами культурного развития. Таким образом, социализация в практическом плане противоположна *отчужденности, эгоизму, жадности, эксплуатации и духу наживы*. Она побуждает индивида и группу *чувствовать* свое единение с социальным целым... Короче говоря, то, что общество считает *нравственным*, т.е. благом для целого, становится целью социализированных индивидов и групп... Отсюда вытекает, что улучшение общества основывается в значительной мере на *моральном прогрессе*» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 16-17].

² См. «Социальную патологию: препятствия для социального участия» Куина и Грюнера. Сами авторы отвергли бы этот способ рассуждения, но такие вербальные детали должны проверяться через соотнесение со сделанным и с той общей схемой, которой они реально пользовались при определении патологий. Их критерий патологического точно указан в подзаголовке книги. «Есть разные критерии, по которым можно примерно измерить степень индивидуального участия... голосует индивид на выборах или нет... владеет ли реальной личной собственностью... степень специфического интереса к общественным делам может быть приблизительно оценена по количеству и характеру институтов, к которым принадлежит индивид, а также тем добровольным делам на благо сообщества, в которых он участвует. Сообщества, в которых высок процент индивидов с позитивным рейтингом по перечисленным выше пунктам, являются, разумеется, наиболее высокоорганизованными и эффективными» [Elliott and Merrill, 1934, 1941. P. 580]. (Отметим характер институтов, участие в которых определяется как организованное).

в институтах своего сообщества. Его мать и отец не разведены, его семья никогда не рушилась. Он «успешен» – по крайней мере, умеренно, – ибо целеустремлен, но при этом он не думает о вещах, слишком превосходящих его средства, дабы не стать «фантазером», ведь маленькие люди не рвутся к большим деньгам. Чем менее абстрактными становятся черты и «нужды» «приспособленного человека», тем больше они похожи на нормы самостоятельных людей из среднего класса, придерживающихся духа и буквы протестантских идеалов в маленьких городках Америки ¹.

Список источников

Bain R.A. The Concept of Complexity in Sociology // Social Forces, 1930, vol.8, № 3.

Beach, W.G., Walker, E.E. American social problems. Stanford: Stanford University Press, 1934.

Bossard J.H.S. Social Change and Social Problems New York: Harper. 1938 [1934].

Cooley C.H. Social Organization: A Study of the Large Mind. New York: Scribner's, 1909.

Cooley C.H. Social Process. N.Y.: Kessinger Publishing, 1918.

Cooley C.H. Human Nature and the Social Order. New York: Charles Scribner's Sons, 1922 [1902].

¹ См. документацию выше. Отметим протестантский этический акцент на *полезности* и на том, что она будет делать для индивида, по всей видимости, независимо от социального факта: «Люди полезные, какой бы расы и какого бы цвета кожи они ни были, нравятся другим и пользуются уважением. Поэтому главная цель здоровой образовательной системы должна состоять в том, чтобы научить людей быть полезными (Hart, 1927. P. 521-524)» [Gillin, Dittmer, Colbert, 1928, 1932. P. 106]. Далее отметим норму соревновательности. Elliott and Merrill. P. 29-30: «Часто, однако, индивид не может или не будет конкурировать. Отсюда мы имеем следующие патологические проявления: "...*иждивенец*... неспособный конкурировать; *инвалид*... который, хотя и не неспособен конкурировать, по крайней мере оказывается в невыгодных условиях, когда пытается это делать. С другой стороны, *преступник*... который, возможно, неспособен конкурировать или, во всяком случае, отказывается это делать по установленным в обществе правилам" (Park, Burgess, 1921. P. 560)» [Elliott and Merrill, 1934, 1941. P. 29-30]. К чертам, которые, как считается, характеризуют «достойную жизнь с точки зрения индивида», Одум относит «терпение», «специализированное знание чего-то», «умение», «оптимизм», «трудолюбие», «динамичную личность», «умеренность», «сформированную силу воли» ит.д. [Odum, 1927. P. 50-51]. Ср.: Davis, 1938.

Davis K. Mental Hygiene and the Class Structure // *Psychiatry: Journal of the Biology and Pathology of Interpersonal Relations*. February, 1938. P. 55-65.

Devine, E.T. The normal life. New York: Macmillan, 1924.

Devine E.T. Progressive Social Action. New York: Macmillan, 1933.

Dexter R.C. Social Adjustment. New York: Knopf, 1927.

Dow G.S. Society and Its Problems. New York: Crowell, 1920, 1929.

Elliott M.A., Merrill F.E. Social Disorganization. New York, NY: Harper, 1934, 1941.

Ellwood C.A. (a) The Social Problem, a Constructive Analysis. New York: Macmillan, 1915, 1919.

Ellwood C.A. (b) Sociology and Modern Social Problems. American Book Company, 100 Washington Square, New York, 1910 (1910-1935)

Fairchild H.P. Outline of Applied Sociology. New York: Macmillan, 1916, 1921.

Follett M.P. The New State - Group Organization, the Solution for Popular Government. New York: Longman, Green and Co, 1918.

Follett M.P. Creative Experience, New York: Longman Green and Co, 1924.

Ford J. Social Deviation. New York: Macmillan, 1939.

Gillette J.M., Reinhardt J.M. Current Social Problems. New York: Am. Book Co. 1933, 1937

Gillin J.L. Poverty and Dependence: Their relief and prevention. New York: The Century co. 1921. (1926, 1937)

Gillin J.L. Social Pathology. New York: The Century co. 1933; New York: Appleton-Century. 1939

Gillin J.L., Dittmer C.G., Colbert R.J. Social Problems New York: The Century co., 1928, (1932)

Hayes W.J., Shannon I.V. Visual Outline of Introductory Sociology. New York, Longmans, Green and Co. 1935.

Hayes W.J. Editor's Introduction // *Weatherly U.G.* Social Progress. Philadelphia: Lippincott, 1926.

Hart H. The Science of Social Relations. New York: Holt, 1927.

Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of History. London: Geo. Bell & Sons, 1884.

Lasswell H.D. Politics: Who Gets What, When, How. N. Y.: McGraw-Hill, 1936.

Lerner M. It Is Later than You Think. New York: The Viking Press, 1938.

Mangold G.B. Social Pathology New York: Macmillan. 1934 [1932]

Mannheim K. German Sociology // *Politica*. February, 1934. P. 30.

Mannheim K. Ideology and Utopia. L.: Routledge, 1936.

Mannheim K. Man and Society in an Age of Reconstruction. ... London: Routledge, 1940.

Mauthner F. Aristotle. London: McLure, Philips and Co. 1907.

- Mead G.H.* Cooley's Contribution to American Social Thought // *American Journal of Sociology*, 1935. Vol. XXXV.
- Mills C.W.* Language, Logic and Culture // *American Sociological Review*. October, 1939.
- Miller H.A.* Races, Nations, and Classes Philadelphia: Lippincott, 1924.
- Odum H.W.* Man's quest for social guidance: the study of social problems. American social science ser. New York: Holt. 1927.
- Ogburn W.F.* Social change: With respect to culture and original nature. New York: B.W. Huebsch, 1922.
- Park R., Burgess E.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago: University of Chicago Press. 1921.
- Parmelee M.* Poverty and Social Progress. New York: Macmillan, 1916
- Reichenbach H.* Experience and Prediction. Chicago: University of Chicago Press, 1938.
- Reuter E.B.* Some Observations on the Status of Social Psychology // *American Journal of Sociology*. 1940. Vol. 46, No. 3. P. 293-304.
- Phelps H.A.* Contemporary Social Problems. New York: Prentice-Hall, 1932, 1933, 1938.
- Richmond M.E.* Social Diagnosis. New York: Russell Sage Foundation, 1917.
- Rosenquist C.M.* Social Problems. New York: Prentice-Hall, Inc., 1940.
- Queen S.A., Gruener J.R.* Social Pathology. New York: Crowell, 1940.
- Queen S.A., Bodenhafer W.B., Harper E.B.* Social Organization and Disorganization. New York: Thomas Y. Crowell and Co, 1935,
- Queen S.* Some Problems of the Situational Approach // *Social Forces*. June, 1931.
- Small, A.W.* Fifty Years of Sociology in the United States // *American Journal of Sociology*. Vol. 21. № 6. 1916. P. 721-864.
- Smith T.V.* Beyond Conscience. New York: Whittlesey House, Mc-Graw-Hill Book Company, 1934.
- Sorokin P.* Some Contrasts in Contemporary European and American Sociology // *Social Forces*. September, 1929. P. 57-58.
- Stern B.J.* Restraints Upon the Utilization of Inventions // *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, November, 1938. P. 13.
- Waller W.* Social Problems and Mores // *American Sociological Review*. December, 1936.
- Weatherly U.G.* Social Progress. Philadelphia: Lippincott, 1926.
- Woodward J.W.* Critical Notes on the Cultural Lag Concept // *Social Forces*. March, 1934.
- Price G.V.* Review on «Social Pathology: Obstacles to Social Participation» by Stuart Alfred Queen and Jennette Rowe Gruener // *Social Forces*, May 1941, Vol. 19 Issue 4. P. 565-566.